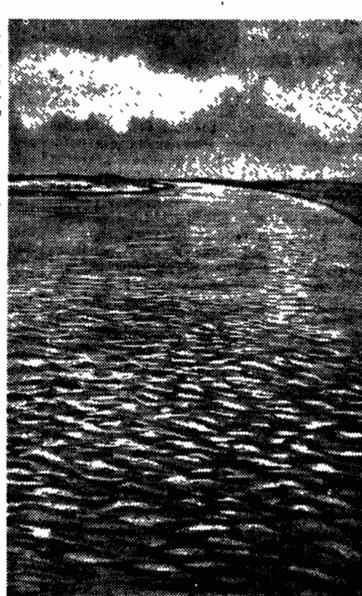

НА СТРОЙКАХ
ШЕСТОЙ
ПЯТИЛЕТКИ

ИСКУССТВЕННАЯ РЕКА В ПУСТЫНЕ

Обширное водное пространство, которое вы видите на снимке, раскинулось в глубине знаменитых Каракумов, то есть «черных песков», — одной из крупнейших в стране пустынь. Необычным зрелищем кажутся и суда, проникшие в сердце пустыни по искусственной реке, сооружаемой руками человека. Это лишь небольшая часть готового отрезка Каракумского канала, трасса которого пересекает всю южную часть Туркменской ССР — от Аму-Дарьи до предгорий Копет-Дага.

Готовый участок канала начинается близ аула Боссага, расположенного на Аму-Дарье недалеко от города Керки. Отсюда движется через пустыню землесосные снаряды, которые сами прокладывают себе водную дорогу. На втором снимке показаны малые земснаряды, углубляющие и расширяющие русло канала.

В начале ноября гидростроители пропустили аму-дарьинскую воду по готовому руслу уже до 185-го километра трассы. В эти дни, выполняя свое обязательство, они заканчивают подготовку русла к пропуску воды до двухсотого километра. Строители работают сейчас на самом трудном участке трассы: равнина сменяется барханскими и грядовыми песками. Глубина выемки достигает здесь 11 — 13 метров.

Двести километров... Это почти половина всей 410-километровой трассы первой очереди Каракумского канала, идущей до Мургабского оазиса. Напомним, что даже эта первая очередь примерно четверть превышает длину Волго-Донского канала имени В. И. Ленина. Чтобы ускорить сооружение этой искусственной реки, на встречу земснарядов идет отряд строителей с запада, со стороны Мургабского оазиса, прокладывая русло мощными сухопутными землеройными машинами. Там работы развернулись на протяжении примерно ста километров.

Первую очередь строительства Каракумского канала наметено завершить к 1958 году. В дальнейшем предстоит сооружение трассы второй очереди — от Мургабского до Теженского оазиса протяжением около 130 километров. Третья очередь канала — 380-километровый его отрезок — протянется от реки Тежен до станции Арчман Ашхабадской железной дороги.

Это крупнейшая ирригационная стройка Туркмени. Ее не без оснований называют каналом дружбы народов, ибо над покорением пустыни работают представители самых различных национальностей, населяющих нашу страну, — русские, туркмены, узбеки, украинцы, белорусы, казахи...

По общей своей длине новое величественное гидротехническое сооружение, призванное преобразить лик пустыни и обратить ее на службу человеку, превзойдет протяженностью некоторые крупнейшие каналы мира.

Фото А. СТУЖИНА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 138 (3639)

Вторник, 20 ноября 1956 г.

Цена 40 коп.

Гр. ЧИКОВАНИ

За счастьем не надо ходить далеко...

— Господи боже! Тридцать лет я с ним прожил, и оказалось, что совершенно его не знаю! — то и дело взволнованно восклицала жена Арчила — Тамара, ища сочувствия у членов семьи, сидящих за обедом.

Глава семьи, как провинившийся школьник, устремив взгляд в тарелку, молча ел суп. За столом сидели три дочери и два зятя. Никто из них не смотрел на Арчила, но в душе каждый сочувствовал ему.

— И ведь всегда он кидается одним из первых, куда его даже и не зовут... — продолжала жена.

— И я, мама, когда закончу медицинский институт, тоже поеду в деревню! — вступила в разговор Ирина, младшая дочь. — Папа, ты не обращай внимания на них, ешь побольше!

— У меня, дочка, аппетит не портится... — У тебя? — накиннулась на него Тамара. — Арчил, да разве у тебя может испортиться аппетит!

— Перестань, Тамара, — Арчил опустил ложку в тарелку и мягко взглянул на жену. — Ты вот что скажи: возраст мой действительно как бы вышел, а в остальном ничто, кажется, не мешает нам. Детей мы поставили на ноги. Циала и Тамара работают, у них свои семьи, мужья, дети. Ирина тоже скоро закончит институт.

— Дети? — перебила его Тамара. — Ты всегда только о детях... Пусть будет потеему, но знай, Арчил, что никогда я не переступлю порога твоего нового дома...

Арчил Кюкилашвили — старый, опытный журналист; его очерки и статьи появлялись на страницах республиканской газеты. Он жил в благоустроенной квартире, зарабатывал хорошо; рядом — театр, кино. Что же заставило Арчила поехать на работу в колхоз?

Кюкилашвили хорошо знал жизнь села. Наблюдая за отставками колхозников, Арчил думал о том, как и чем помочь им, как поднять общее благосостояние колхозников. И когда партия и правительство направили свое внимание на исправление допущенных ошибок в сельском хозяйстве, Арчил всем своим существом откликнулся на этот призыв.

И Арчил уехал, так и не дождавшись ласкового слова от жены.

..Я приехал в Кюнди ранним утром. Село только просыпалось. На пустынной улице мне повстречалась женщина с большим, доверчивым полным мешком за спиной. Поравнявшись с ней, я узнал жену председателя колхоза.

— Вы, вероятно, приехали к мужу поздравить на лето? — поздоровавшись, спросил я Тамару.

— Почему же на лето? — ответила она. — Я давно уже здесь.

«Порога твоего нового дома не переступлю!» — вспомнились ее слова.

Арчил Кюкилашвили рассказывал мне: — У нас часто пишут в газетах: на общем собрании колхозников единогласно был избран новый председатель. А это ведь не всегда бывает так просто. Секретарю Телавского райкома Заалу Гелашвили пришлось долго доказывать, что я хороший руководитель. Однако во всех убедил его речь. Я видел, что меня легко можно провалить. Я знал, что в задних рядах сидели всезнающие бывшие председатели, отстраненные от работы.

Секретарь райкома закончил мою характеристику и вел. Председатель собрания спросил, есть ли желающие выступить. Из задних рядов раздался возглас: — Кого мы сегодня выбираем — редактора или председателя!

— Вот сидит он на голодные трудовые, тогда и увидим, какой молодец!

— Мы этого человека не знаем: ни в радости, ни в горе не доводилось нам быть с ним. Вы нам его представляете, вы советуете. Пусть будет по-вашему. Нам не привыкать: всемирный раз мы избирали разных председателей, иберем и девятнадцатого.

С горем пополам избрали и меня! Начал я знакомиться с хозяйством. Обо-

шел виноградные плантации — старые, заброшенные, новых не разбивали, разреженные не подсаживали, подпорки не сменили, в срок не полили, не окучивали, не окрыскивали. Видно, бригады были предоставлены самим себе. Никто не интересовался, почему колхозник не выходит на работу, почему он предпочитает бросить свой двор и работать по найму в Цинандинском совхозе. Из тысячи трудоспособных членов колхоза только десятая часть выходила на работу. Большинство стремилось выработать «минимум» трудовой, чтобы только сохранить право членства в артели, лишь бы не урезали приусадебный участок.

Были залупаны бухгалтерские отчеты, разбазаривались народные продукты и деньги. Ревизионная комиссия работала из рук вон плохо.

Для председателя и бригадиров часто устраивались богатые угощения в тех семьях, которые уклонялись от работы в колхозе или грели руки на народном добре. Вскоре и меня стали приглашать на угощения, но, когда я наотрез отказался одному другому, перестали звать и окрикли человеком, не почитающим «хлеба-соли». Стали поговаривать и о том, что я приехал к ним год, как сокол, с одним пустым чемоданом. Сегодня, мол, он здесь, а завтра даст тятю!

Надо было принять срочные меры против этих вристов. Но какие? Думать о приезде жены, мне казалось, бесполезно. Но бывает ведь так, что счастье само свалится к человеку на голову. В один прекрасный день я услышал знакомые шаги по лестнице.

— Пожалуйста, не думай, что я приехала из любви к тебе, — сразу же предупредила Тамара. — Этого требовало дело. Она украдкой обвела взором мое жилище. «Вот как он живет без меня, оказывается!» — выразило ее лицо.

— Откуда тебе стало известно, что дело требовало твоего приезда? — спросил я. — Я про тебя все знаю, Арчил! И прав народ: разве он может положиться на этого «сбеженца»?

В первый же вечер, как только приехала жена, мы решили строить. Но как, на какие средства? К тому времени мы начали постройку новой конторы правления колхоза. Скоро должно было освободиться старое помещение — две маленькие комнатки с двориком.

— Нам больше и не надо! — решила жена. Она не захотела сидеть без дела и сразу же взялась за разделение шелковичных червей. Как раз тогда был в разгаре выраживание червей второй очереди. Село наше испытывало недостаток в тутовых листьях. Куда только не уходило женщины, чтобы раздобыть корм для шелковичных питомцев, и всегда возвращалась с добычей!

Весь о нашем решении поселились навсегда в Кюнди облетела все село. Я приехал в колхоз в самый разгар летних работ и сразу же взялся за работу: в эту пору опоздать на день — значило отстать на год. Первым делом необходимо было вернуть в бригады людей, не выходявших на работу. Мы решили обойти каждый двор, посмотреть, как и чем живет каждый колхозник. Крестьянам понравилось такое внимание: ни один член правления раньше не заглядывал к ним.

Мы стали оказывать помощь нуждающимся, выдали авансом продукты, деньги, закрепили участки, помогли в работе. Учет работы организовали таким образом, чтобы колхозник каждый день знал, сколько выработал трудовой. Передовиков премировали назначением дополнительных трудовых. Ввели такое правило: колхозник, проработавший в году триста дней и выработавший четверть трудового, получал месячный отпуск. Отпуск оплачивали из расчета средней выработки за последние два месяца и давали еще бесплатную путевку в дом отдыха.

Прежде здесь не обращали внимания на то, во что обходится один центнер зерна или винограда. Теперь у нас заранее делается расчет на каждый вид продукции и определяются затраты. Мы решили

из года в год снижать эти расходы. К примеру, если затраты на один центнер урожая винограда в прошлом году составляли почти девять, то в этом году уже только шесть трудовых.

Люди убедились в том, что отныне труд колхозника будет оцениваться по результатам его работы и что зарплата и амбары будут наполняться тем больше, чем выше уровень продуктивности трудовой.

Наши первые мероприятия сразу же дали хороший результат. Колхозники начали выходить на работу. Все реже попадались в эти дни мужчины и женщины, идущие на базар с мешками и корзинами за силой... На улажении дисциплины сказалось введение принципа материальной заинтересованности.

В 1954 году на трудоземельное хозяйство колхознику пошлограмма зерна и по 1 рублю 72 копейки деньгами, а в 1955 году — 1,5 килограмма зерна и по 5 рублей деньгами. Стоимость трудовой в целом в 1954 году исчислялась в 11 рублей, а в 1955 году — в 14 рублей.

Хоть и маленький, но шаг вперед был достигнут. Главное же заключалось в том, что колхозники увидели, что за счастьем не надо ходить далеко, а лучше разумно и честно работать в своем колхозе.

Мы с Арчилом заговорились, а между тем ему надо было торопиться в поле. Я пошел с ним, и наша беседа не прерывалась.

— Меня всегда тревожила мысль, что мы недостаточно разумно используем землю Кахети, — говорил Кюкилашвили. — На большей части кахетинских земель должны быть разбиты виноградники. В прошлом году доход колхоза достиг трех миллионов рублей, из них два миллиона дали нам виноградники. А представьте, что из трех тысяч гектаров земли виноградники занимают всего лишь 181 гектар. И разве у нас оных так? Нет, у других их еще меньше.

Мы проходили через виноградники. Лозы гнулись под тяжестью спелых гроздьев. — Только враг своего хозяйства может так неразумно планировать дело! Кондольские земли созданы для виноградников, и если за лозой хорошо ухаживать и достаточно снабдить колхозов техникой, то у нас не будет плохих участков...

Виноградники мы перешли во фруктовый сад. Рабочий день в поле кончился. Мужчины и женщины группами направлялись к селу.

Мы поднялись на взгорье. Перед нами раскинулось село Кондоль. Днем, когда я с председателем уходил в поле, над селом царил тишина. А теперь его заполнял шум жизни. Доили коров, разводили овец, собирали на стол в ужины. Кто-то кого-то громко свал через все село, где-то скрипели колодезные журавли. Мужчины у тарелок, собирались группами и обсуждали свои дела. Они громко приветствовали председателя, а некоторые подошли к нему, шли рядом, заводили с ним разговор, делились своей работой.

Я и Ило Кавалашвили, заместитель Арчила, ушли вперед. — Вот он и в воду за ним пойдут, — заметил он. — За кем это?

— За председателем нашим. Он завоевал большое уважение среди крестьян, много сделал за этот год.

Мы поднялись в контору, прошли на балкон и уехали на скамейке. Шум на балконе был виден в освещенные окна председательской квартиры, и в них я увидел жену Арчила — Тамару.

«Кто сосчитает, сколько бессонных ночей просидела у окна Тамара в ожидании мужа?» — подумал я, и вновь невольное вспомнилось ее угроза: «Никогда не переступлю я порога твоего нового дома!»

..А теперь она глядит на этот порог и ждет маявшего, уставшего за день своего любимого мужа, чтобы накормить его горячим ужином... (Перевод с грузинского)

кондоль — твилиси

СЛОВО МАСТЕРОВ КУЛЬТУРЫ

В эти дни, когда колониальные державы развязали агрессию против вольнолюбивого народа Египта, когда контрреволюционные силы посягнули на завоевания социализма в Венгрии, со страниц прогрессивной печати мира все громче раздается голос деятелей культуры, мастеров пера. Их симпатии на стороне Египта в его освободительной борьбе. Их сердца вместе с венгерским рабочим классом, венгерским трудящимся народом, который добился победы над контрреволюцией, отстаивают народно-демократический строй.

С гневом разоблачают писатели тех, кто стоял за спиной реакции в Венгрии, вскрывают подоплеку кровавых событий на древней земле Египта.

«Пробуждаются колониальные народы, распадается колониальная система, — пишет в газете «Литературный фронт» болгарский писатель Людмил Стоянов. — Ширится освободительная борьба народов Азии и Африки, поработенных империализмом. Кто может остановить великое движение этих народов за национальную независимость, за самостоятельную жизнь, за мир?»

Война в Египте — это репетиция империалистических сил. Они все еще пытаются вернуть потерянные позиции. Однако история не поворачивается вспять.

Подлая англо-французская агрессия в Египте не изолирована от контрреволюционной атаки против Венгрии. Оба эти события подготовлены международной реакцией, чьи нити ведут в столицы больших западных держав.

Чехословацкий писатель Иван Снала в газете «Руде право» пишет: «Передо мной фотографии молодых женщин, убитых в дни событий в Будапеште, и снимки жертв Лидии 1942 года, улиц Харькова в годы войны, где лежат расстрелянные советские женщины, фотографии разгрома редакции «Юманите» 7 ноября 1956 года, линчевания негров в США, снимки разрушений в Египте и Освенциме 1944 года».

За всеми этими снимками, говорит писатель, встает перед нами асасовцы, что в конце войны удрали от советских армий на Запад и там, у американского корыта, вынашивали свою ненависть и мечту по реваншу; военные преступники в генеральских мундирах вермахта и американской армии, запятанной себя кровью корейцев. Встает одачливый американский расист и англо-французский колонизатор, вымещающие цветных людей на деревнях. Монополисты, дивиденды которых поднимаются вместе с приливом «холодной войны», вместе с каждым новым военным конфликтом на земном шаре. Монополисты, посылающие своих диверсантов и шпионов в страны мира, дивизии — в Египет и хортистских фашистов — в Венгрии.

Писатели Болгарии, Румынии, Чехословакии, всех стран народной демократии призывают интеллигенцию к бдительности, к сплочению рядов во имя товариства дружбы и сотрудничества социалистических стран.

«Историческая радость, с которой людоедская пресса капиталистического Запада печатала страшные и позорные фотографии разгрома контрреволюционного террора в Будапеште, — заявляет болгарский писатель Георгий Нараславов, — останется уроком для всех тех, кто с благодушной наивностью встретил вой капиталистический став об «отсутствии» свободы в социалистическом лагере, о «подальшении» личности в странах народной демократии. События в Венгрии еще раз показали, как нужно осуществлять дело помощи и сотрудничества в духе пролетарского интернационализма».

(Окончание на 4-й стр.)

У писателей Чехословакии

В Будапеште (Словакия) в доме словацких писателей состоялся второй пленум Центрального комитета Союза чехословацких писателей. Пленум обсудил итоги II съезда чехословацких писателей, задачи литературной печати, а также рассмотрел ряд организационных вопросов.

Собравшимся литераторам была одобрена новая, более простая по сравнению с прежней, организационная структура Союза писателей. Пленум принял решение созвать в ближайшее время совещание молодых литераторов и ряд творческих семинаров. В начале будущего года намечено провести широкое совещание критиков и литературоведов Чехословакии. Пленум заслушал сообщение первого секретаря Союза писателей И. Штитнишко о работе секретариата. Он рассказал, что после II съезда чехословацких писателей в Словакии начал выходить новый журнал «Творчество молодых», первое номера которого привлекли к себе внимание читателей в Группе словацких литераторов обратились к Союзу с просьбой разрешить им издавать новый журнал — двухнедельник «Горизонт», «Президиум Союза словацких писателей», — сказал И. Штитницкий, — считает просьбу этой группы оправданной и соответствующей требованию, выдвинутому на II съезде, где говорилось, что нужно поддерживать создание группировок писателей, близких друг другу по художественным воззрениям. Такой журнал может оказать благотворное влияние на процесс дальнейшего развития литературы, поддержать новаторство и искания новых путей в рамках социалистической литературы». И Штитницкий рассказал также о готовящейся встрече чехословацких и украинских писателей.

В обсуждении вопросов, затронутых на пленуме, приняли участие многие известные литераторы Чехословакии. Среди них — М. Майерова, К. Бенеш, М. Пушманова, И. Секера, Д. Татарка, Я. Отенашек, В. Минах, И. Гаек, И. Марек и другие.

Участники пленума приняли резолюцию, осуждающую контрреволюционные попытки подорвать основы народно-демократического строя в Венгрии.

Приезд в Москву китайских литераторов

В Москву по приглашению Союза писателей СССР прибыли писатели Китайской Народной Республики — заместитель председателя шанхайского отделения Союза китайских писателей прозаик Чжан Цинь-цзи, поэт Янь Чен и Гэ Би-чжоу.

Гости намерены совершить поездку по стране, ознакомиться с деятельностью советских писательских организаций.

Партийное собрание писателей Алма-Аты

АЛМА-АТА. (Наш корр.). Состоялось отчетно-выборное партийное собрание писателей города. С докладом выступил секретарь партийной организации поэт Ж. Санн. — Наша работа имеет свои специфические особенности, — говорит докладчик, — она оценивается по тому, как партийная организация помогает писателям создавать хорошие книги. Нельзя сказать, что наши писатели вообще не изучают жизнь. Но можно изучать действительность по газетным вырезкам и создавать объективные стихи, а можно — и нужно — писать о том, что волнует тебя и других, создавать произведения, помогающие строительству нового в жизни.

Еще в начале этого года, ранней весной, некоторые наши писатели громко заявляли, что они поедут к героям своих будущих книг, будут жить среди них и работать. Читатели с большим одобрением отнеслись к этим заявлениям. Но где же дела, которые должны были последовать за словами? В обсуждении доклада приняли участие писатели М. Алимбаев, А. Сарсенбаев,

С. Муканов, К. Жармагамбетов, Т. Ахтанов, Г. Мустафин и другие.

С. Муканов напомнил, что прошлое отчетно-выборное собрание рекомендовало партийному бюро регулярно заслушивать творческие отчеты писателей после их командировок.

— Летом этого года, — сказал он, — почти все наши писатели побывали в колхозах и совхозах, но творческих отчетов не было. А какую большую помощь могло бы оказать писателю обсуждение его очерка, его стихотворения, его замысла!

Т. Ахтанов и А. Сарсенбаев поддержали выступление Муканова. Ахтанов отметил лакировку действительности и схематичность в последнем романе самого Муканова.

— Партийное бюро не придавало должного значения организации работы в редакциях печатных органов Союза — журналов и газет, — заявил М. Алимбаев.

Участники прений высказались за глубокое научное изучение литературного наследия казахского народа, за полную ликвидацию последствий культа личности и в этой области.

Создан Институт Китаеведения

В Москве недавно создан Институт Китаеведения Академии наук СССР. Перед ним поставлены широкие задачи по изучению достижений и опыта социалистического строительства в Китайской Народной Республике. Изучение многообразной деятельности талантливого китайского народа не только расширит наше представление об этой великой стране, но даст богатый материал для решения общих научных проблем, связанных с историей развития всего человеческого общества.

В составе института будет работать сектор истории, который займется изучением истории Китая с самых ранних времен и до наших дней. Экономисты сосредоточат свое внимание на исследовании проблем народного хозяйства страны, сек-

тор государственного строительства будет изучать особенности современных общественных преобразований в КНР, а также ее международные отношения, лингвисты займутся языками народов многонационального Китая. Институт будет публиковать научные труды по этим проблемам.

Важные задачи предстоит решать сектору литературы и культуры народов Китая. Это прежде всего ознакомление научной общественности и широких читательских кругов нашей страны с памятниками культуры, художественной литературы и научно-общественной мысли Китая, созданными народом на протяжении тысячелетий, с его современной литературой.

Переводы и публикации памятников прошлого и со-

Встреча в Багаевской...

Погода явно была не для дальних поездок по бездорожью: машину свирено хлестал ливень, ветер, набрасываясь на деревья, истязал их, и они, страдальчески заломывая оголенные ветви, предостерегали нас от рискованного пути.

Но слово было дано, день и час назначены, и, представив себе ожидание читателей, мы двинулись из Ростова в сторону станции Багаевской.

Везуха на этот раз не оправдал своего названия: бое-где он предпочитал, чтобы мы его выносили на руках.

Наконец, через несколько часов бега с препятствиями, мы очутились на берегу Дона у ивовой рощи, развевающей по ветру свои серебристо-матовые косы. Паром, преодолевая сердитые волны, заскользил мимо белых и красных бакегов реки к левому берегу. Совсем не речные волны были о его борт, и, глядя на них, думалось: сердятся они так потому, что принесло их сюда с моря, втиснуло в речные строгие берега.

Багаевские школьники, бесплодно продавая писателей подвоя, разошлись по домам. Но когда кому-то из ребят стало из-

вестно, что гости все же приехали, начался сбор по цепочке.

И вот в самом большом классе школы собрались самые маленькие багаевские любители изящной словесности.

Вы бы поглядели на лицо девочки, сидевшей перед нами за первой партой. Лицо это каждую минуту меняло свое выражение: оно то было озабоченным, то сияло радостью. Глаза то искрились смехом и лукавством, то серьезели, и тогда сдвигались над ними бесцветные бровки...

А потом девочка стала читать стихи гостей. И старейший поэт Дона В. Жак, далеко не избалованный вниманием критики, вдруг услышал здесь, в классе, освещенном керосиновой лампой (двизок испортился), свои давние, очень давние стихи.

И не поэт, но в состоянии понять ощущение товарища, который вот так сидит в притихшем, полусозвещенном классе и слушает из уст ребенка свое стихотворение, написанное двадцать-тридцать лет тому назад. Стихотворение он и сам, возможно, забыл, но сейчас возникли в памяти те восторженные, восточные минуты,

когда писал его, не думая о его долготелити, с одним лишь желанием выразить то, что цело внутри и просялось на волю.

И вот сейчас оно словно бы родилось заново. Нет, даже не родилось... Оно, оказывается, ждало все эти годы.

А вечером, позднее, мы отправились на встречу с читателями в районную библиотеку. Прислушиваясь к шуму ивня за окном, мы в душе сомневались, придет ли кто-нибудь. Но заведующая багаевской библиотекой Надежда Андреевна Юкина уверенно сказала:

— Вы наших не знаете! Придут!

И правда: читатели в высоких резиновых сапогах, в брезентовых плащах шли и шли в одиночку и группами, и скоро зал был переполнен.

Поэт Ают Гарнакьяев, поднявшись на трибуну, озорно поглядывая на собравшихся и неожиданно начал:

И дождь идет, и небо мглилось, И не грустит ничто неба, Но нас в Багаевской станице Улыбкой встретили друзья...

Да, мы сразу почувствовали, сколько у нас здесь друзей — много читающих, не пропадающих нам ошибок, умеющих плавать любовью за хорошие книги. Сердеч-

ные токи шли из зала, согревали, и уже забыл утомительный путь.

Сам собой возник страстный заинтересованный разговор о новых книгах донских писателей, о новом ежемесячном журнале «Дон», о колхозных станицных делах.

Семидесятилетний пенсионер Чуб вспоминал свои встречи с Владимиром Ильичем, рассказывал о своей жизни, хвалил роман Николая Маринкина «В салских степях», недавно опубликованный в альманахе «Дон».

Работник райкома партии Талалаева, признаваясь в своей любви к историческим книгам, с болью спрашивала:

— До каких пор будем мы варварски уничтожать памятники старины — курганы?

Пионерка Хворостова просила издавать в Ростове пионерскую газету — «как до войны» (хотя сама-то она родилась после войны).

А поздно вечером на дбаркадере, в каюте плывущей пристани, душевный разговор был продолжен.

В разгар беседы дбаркадер качнулся. — «Сергей Есенин», наверно, причаляю, — вслух подумал председатель райисполкома Денисенко, поглядывая на огонь пархода, осветившего стекла кабины каюты.

И снова споры о стихах Есенина и Маяковского, о книгах Шолохова и о своих

колхозных делах, — к этому возвращались неизбежно. Сетовали на то, что не в меру старательные товарищи из Ростова не дают колхозникам самим планировать свое хозяйство и навязывают им нереальные, порой неразумные планы. Говорили, что пора снять мелочную и даже оскорбительную опеку в использовании местного бюджета.

И опять толчок в дбаркадер: — Волжский оттопел... значит, два часа ночи.

А расхотелось не хотелось — не наговорились досыта.

Описать эту встречу в Багаевской меня побудило не только желание сказать доброе слово о скромных и удивительно гостеприимных тружениках Дона, его новых читателей. Не только это, а и желание упрекнуть некоторых литературных вельмож, упорно избегающих таких встреч, твердящих высокомерно: «Гастерство... только отледеет от письменного стола».

Нет, мы уверены, такие встречи очень обогащают. И разве не обязанность наша выступать и пропагандистами родной литературы?

Мы уезжали из Багаевской с ясным ощущением, что оставили там много новых друзей, к которым придем еще не раз.

Борис ИЗЮМСКИЙ

ростов-на-дону

Председатель Владимирского горсовета Илья Иванович Чернов вдохновенно рассказывал нам о Золотых воротах, Успенском соборе, о фресках Андрея Рублева и других достопримечательностях старинного русского города. Лишь об одном памятнике председателю говорил без признаков энтузиазма, нехотя припоминая его историю. Между тем она отнюдь не известна Илье Ивановичу: он — современник, очевидец и даже прямой участник.

Чтобы на месте разобраться в этой истории, мы и приехали во Владимир. Нас интересовала судьба скульптуры А. С. Пушкина, заказанной отделом благоустройства горисполкома местному скульптору-самоучке Петру Никитовичу Аркатову. Мы знали, что Аркатов горячо вылезал за работу. Это было его первое крупное произведение, и потому на первых порах не все шло гладко. Зимой в неотапливаемой мастерской промерзла и рассыпалась на куски глиняная модель. Не будем перечислять многие другие причины, затнувшие выполнение заказа на несколько лет.

В декабре 1954 года готовая скульптура была просмотрена и принята комиссией Художественного фонда СССР под председательством А. Кибальникова, а еще через месяц исполком горсовета решил: скульптуру А. С. Пушкина установить в центре города, в парке имени поэта. Этим же решением были утверждены проект постаментов и смета расходов на установку памятника и определен срок окончания работ — 15 апреля 1955 года.

И вот до сих пор скульптура не установлена. Покрытая слоем пыли, она по-прежнему стоит в мастерской. Почему? Быть может, автора постигла творческая неудача? Или во Владимире не заботятся об украшении города, не любят скульптуру? Или нет, ни того, ни другого.

Одна из особенностей Владимира как раз и состоит в облике современной парковой и монументальной скульптуры. В скверах, на улицах и на площадках то и дело видны отлитые из бетона и гипса фигуры спортсменов, развяхшихся детей и салютующих пионеров.

К сожалению, большинство этих произведений не представляет какой-либо художественной ценности и содержание их едва ли может доставить эстетическое наслаждение. Среди скульптур почти нет оригинальных, таких, перед которыми заострился бы взгляд, расмотришь внимательно, запомнишь. Порожденные незыскательностью и стандартом, памятник-близнецы города Владимира ничем не отличаются от тех, что встречаются нам в Подмосковье, на курортной трассе под Ленинградом, в садах и скверах Баку, Ташкента, Сталинабада и многих других городов.

В городском парке, на том самом месте, где, согласно решению горсовета, должна стоять скульптура А. С. Пушкина работы Аркатова, сейчас возвышается статуя поэта, выполненная учениками художественно-ремесленного училища, — произведение скорее ремесленное, чем художественное. Авторы его ни в чем не отступили от стандартной трактовки образа Пушкина.

Этого никак не скажешь о скульптуре Аркатова, названной им «Пушкин в думках о декабристах». Поэт только что получил известие о казни декабристов. Он сидит в глубоком раздумье, гневно сжав кулаки. В его лице и грусть, и одновременно протест, возмущение произволом самодержавия. Выпознана скульптура профессионально. Авторы его ни в чем не отступили от стандартной трактовки образа Пушкина.

Вот что писал Аркатов известный знаток творчества А. С. Пушкина писатель Иван Новиков, которому автор послал фотографии еще не оконченной фигуры поэта: «Рад Вам сообщить, что мнение о Вашей работе создается вполне положительное. Снямок технически плох, но и он не мешает почувствовать своеобразие Вашей работы: и глубину переживания Пушкина, и огромную волю к преодолению препятствий всяческого рода».

Писал И. Новиков и председателю горсовета тов. Чернову, просил его «не загромождать с разрешением вопроса о том, где поставить памятник Пушкину», рекомендовал посоветоваться с общественностью.

«Почему бы исполкомом горсовета не обсудить вопрос о месте установки скульптуры вместе с архитекторами, историками, писателями, краеведами... — вторит ему автор статьи «Памятник Пушкинскому собору» в областной газете «Приморье». Пусть общественность города скажет свое слово».

Попытались связать свое слово и общественность. 3 июня 1956 года во владимирской молодежной газете была опубликована заметка группы студентов. Они докладывали, что скульптуру А. С. Пушкина следует установить в здании педагогического института, напротив Золотых ворот: «Задумавшись о декабристах, Пушкин смотрит на Владимирку, по которой шли они в Сибирь... Ильяич заключительным аккордом в архитектурном ансамбле площади, памятник будет гармонировать с окружающими зданиями и фасадом института». Мнение студентов разделяют многие владимирцы. Отстаивают его и сам автор скульптуры.

И писатели И. Новиков, ни читатели областных газет так и не получили ответа. Тов. Чернов упорно отмалчивается. Почему бы ему открыто не высказать свою точку зрения? А ведь она, эта самая «точка зрения», у него имеется.

Почему Пушкин сидит? — вполне серьезно спросил нас тов. Чернов. — Он же драматург Островский, ему не семьдесят лет! И почему он такой грустный? Нет, в принципе тов. Чернов не возражает против установки этой скульптуры. Но место ей не в Золотых воротах, а подальше, в здании новой школы, на краю города. Правда, предварительно там надо снять несколько домов и создать площадку, которой будет присвоено имя Пушкина.

Итак, спор о месте установки скульптуры не решен и по сей день. Наконец, следует рассказать и о том, в каких условиях создавалась скульптура А. С. Пушкина, как являлся во Владимире одаренному скульптору-самоучке. Дабы нас не заподозрили в «художественном преувеличении», обратимся к официальному документу. Перед нами акт, составленный санитарным врачом 18 апреля 1955 года.

«При обследовании установлено: гражданин Аркатов проживает в сарае, расположенном во дворе ресторана «Клязьма». Сарай ветхий, без естественного света, кое-какие отеплен, пол стгнивший, застлан фанерой, кровля несправная...

Заключение: данное помещение не является жилым и не может использоваться как жилье... Ввиду того, что указанное помещение не имеет естественного света и находится в неудовлетворительном санитарно-техническом состоянии, в настоящее время оно не может использоваться в под мастерскую».

С тех пор все осталось без изменения. Здесь, в этом сарае, живет и работает скульптор. Здесь, без натурщиков, без костюмов, без дневного света, была создана скульптура А. С. Пушкина. Тут она стоит и поныне рядом с пластичным эскизом памятника Радинцеву, над которым сейчас трудится Петр Никитович.

Мы рассказали обо всем этом не для сведения тов. Чернова. Кому, как не Илье Ивановичу, не раз бывавшему в «мастерской» Аркатова, знать, как плохо тому живется! И вот еще один документ: «Гру-ну Аркатову. На Ваше заявление исполком городского Совета сообщает, что в городе свободное (?) жилого фонда нет и удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным». Чернов».

С получением сего Аркатов должен оставить всякую надежду на то, что когда-нибудь «представится возможным» улучшить его жилищно-бытовые условия. А ведь просит он так немного: хотя бы отремонтировать сарай, в котором его сейчас даже не прописывают!

При желании эту просьбу Аркатова можно было давно-давно удовлетворить. Но такого желания у председателя горсовета нет. Это мы совершенно отчетливо поняли из беседы с ним. Не хотелось бы думать, что причиной тому личная неприязнь председателя горсовета к скульптору, возникшая в процессе сличного затнувшегося спора. Тем более, что в этом споре прав Аркатов.

Ю. ДАШЕВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты» г. Владимир

Я, как член редколлегии «Алашара», Журнала абхаэского, Душаю: Что печалится? О Суэце и Ниле сейчас? И кого из поэтов Египта — Да получше бы — перевести, Чтобы гневом звенело Правдивое слово Для советских людей, Для земного Огромного шара? И обман я думать об этом Помногу, Если падает даже листья на дорогу,

Навеяла печаль. Осень? Что ж! Пусть ее Мне не жаль. Туш низку плывут. Станут темные лужи. Дать ненасто-угрюма. Сжмается сердце от стужи. Но я должен, Я должен Размышлять и работать, Работать и думать, Даже в годы моты. Даже в восемьдесят три мои года, Как бы Ни стояла погода, Без снаидок, без жалоб, О недугах своих забывать — И несною и летом, Зимю и осенью, Лени не поддаваясь, Работать, Работать, Писать. ПОС. ШЕРЕМЕТЬЕВО

Перевал с абхаэского Владимир ДЕРЖАВИН

Из польской тетради ПИСЬМО

Есть вод Люблинском фольварк Насутув, Я припомню его по письму, Как деревья стояли, наступив Заметнутому снегом листью, Как в шинели, распахнутой броско, Вез улыбки на ясном лице, Из союзного Польского войска Говорил со мной офицер. Я бровей не видала круче И нечальные преданных глаз. Все он спрашивал: «Пани поручник, Как живется в России у вас? Как живется, откуда берется Эти женщины с яркой судьбой, — Через войны и дни революций Проносившие нежность с собой? Забыла, когда не любил, А забыл, не предует сюда... Но заплаканный город Люблин Вспомните хоть иногда!»

В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВУШКЕ

В белорусской деревушке Я увидела солдата. На фуражке незнакомой — Белый пастовский орел. А лицо — по-русски кругло, Беззаботно-плутуовато. Он меня окинул взором И такую речь повел: «Где-то с вами мы встречались, Вы, сестра, не из Варшавы? Что-то очень мне знакомы Ваши серые глаза...» «Нет, под Ленино была я, Рядом, видимо, сражалась, Там во мраке белой ночи Не одна моя слеза... Там друзей я скоронила, Что дрался бок о бок с вами, Там мы вместе разделили И победу и беду.» И тогда солдат с фуражки Отдал мне орла на память, Я взамен ему с плечу — Нашу красную звезду...

Ложка дегтя

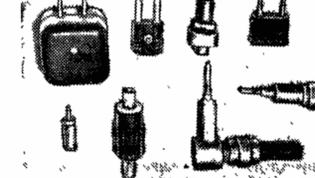
В последнее время радиотехническая промышленность показала несколько новых моделей телевизоров. Мы видели их во Всесоюзной торговой палате. Это — «Старт», «Рубин», «Рекорд», «Белая», «Союз», «Знамя», «Нева», «Мир», «Москва».

Особенно интересен телевизор «Мир». Он имеет самый большой экран, выстроившийся в ящик-бухобку, легко переливающаяся на роликах. От приемника тянется длинный шнур, по которому можно управлять работой телевизора на расстоянии, — добавит или убавит яркость изображения и регулировать громкость. Этот же аппарат будет выключаться без тумблочки.

Подлинной новинкой является проекционный телевизор «Москва»: его экран (90 на 120 сантиметров) укрепляется на стене или устанавливается на специальной подставке. Из ящика телевизора, как из киноаппарата, изображение передается на экран. «Москва» очень хороша для красных углов и клубов.

У новых телевизоров повышена чувствительность, что дало возможность поместить антенну прямо в ящике вместе со всей аппаратурой. Владельцам телевизоров, живущим поблизости от телецентра, не нужно будет устанавливать на крыше дома антенну, — не нужны даже комнатные «усы».

Новые телевизоры являются значительным шагом нашей промышленности вперед. И вот потому-то особенно обидно, что в этом деле не обошлось без ложки дегтя. Рассказываю случай, который произошел с одним из покупателей. Он приобрел «Ре-

Видно, грустно ему... Веда года — несветлое бремя... Я ответил бы: «Имсли простые, Как у всех. Размышляю о доле — своим —

Видно, грустно ему... Веда года — несветлое бремя... Я ответил бы: «Имсли простые, Как у всех. Размышляю о доле — своим —

О поэзии. О поэтах — И о тех, что в Москве, И о тех, что в Сухуми. Но не только о строчках раздумья, А Суэц? Разве он не волнует певца, Как согражданин сердца, Как все честные в мире сердца? Пусть Египта земля далека, — Нил течет в нашем сердце, Нил — Египет, Как Волга-река.

ка, как это делается не только в «Оргнаборе» или в райисполкомах, но и в других инстанциях.

...Симферополь. Горком комсомола. В коридоре — очередь семнадцатилетних. Их вузовская судьба на этот год определялась: они «отсеялись» и теперь пришли за помощью в трудоустройство.

Один из секретарей горкома, Жанна Велижанова (которой ва дверью, по школьной привычке, уже дали ключик «Жан Вальжан»), — приветливая, отзывчивая девушка. Да, конечно, она сделает все, что от нее зависит, чтобы помочь им устроиться! И Жанна берется за телефон:

— Горпромсовет? Курсовый сектор? Вчера вы говорили, что есть места учеников-переплетчиков. Как, уже все заполнено? А в швейных мастерских? Тоже нет? В слесарных? Только мальчишки? Нет, у меня, главным образом, девочек!..

— Консервный завод? Вам еще нужны рабочие? Да, девушки. Присылайте, да побольше? Вот хорошей Разнорабочих? Ах, только с восемнадцати лет? Это хуже...

И так час, два, три подряд. Наконец, удается всех «раскадровать». Кого на курсы учеников, кого на фруктовый сезон на консервный завод, кого на швейную фабрику. Реже в библиотеку или пионервожатыми в школу. Эти радуются бурно и чуть ли не бросаются целовать Велижанову. Другие благодарят, но уходят притихшие, как зайцы: они еще не знают, что такое разнорабочие, которых принимают только с восемнадцати лет.

...Москва. Мосгорисполком. Приемный день у начальника Управления кадров и учебных заведений В. Власова и его заместителя В. Васильева. Один за другим входят в кабинеты «трудоустраивающиеся». Много десятиклассников. У каждого из них своя судьба, свои стремления, свой характер. Если говорить по совести, то каждому надо «заглянуть в душу»: что у него там творится? Творится разное, очень часто просто неразбериха. Но в короткие часы суботнего приема едва хватает времени, чтобы выяснить самые необходимые документальные сведения.

— Техническое училище? У вас еще не закончен прием? — Управление ослепления Москвы? Можно к вам направить двух молодых людей?..

— Трест Мосгортранспром?.. И так далее, и так далее, и так далее... Уходящий с такого приема с ощущением, что делается здесь что-то не то. Но главное, что должно делаться в таких учреждениях, как горком комсомола или горисполком, а что-то мелочное, что могли бы с успехом делать, к примеру, девушки из Горсправки.

3. Мы удивляемся иногда: — Вот вырос шлопай, никаких забот, что называется, не знал! Жизнь, как стеклышко: учился десять лет, ничем его не обременяли. А теперь вот брызжит и перебирает: все работы не по нем... И откуда они, такие барчуки, берутся, мы в их возрасте такими не были... А дело все в том, что нас, отцов и матерей этих семнадцатилетних, не достигли в таком стерильно-безоблачном мире мальчишки, в таком отрыве от подлинного понимания жизни, в каком росли многие школьники последних поколений.

Ведь с первых школьных дней им усердно внушали, что дорога из средней школы примерною ведет в вуз. И они привыкли верить в преданность своей судьбы. Кое-кто и ленился-то в школе потому, что считал свое право на высшее образование неотъемлемым ни при каких обстоятельствах.

Но когда это право приходится завоевывать в неадекватном соревновании на конкурсных экзаменах в вуз, многие отсевшиеся оказываются на распутье.

Вопрос этот волнует ребят, и надо рассказать им серьезно, обстоятельно, по-деловому, с точки зрения государственных принципов планирования рабочих кадров, каковы их перспективы на трудовом поприще. И помочь им найти свое место в трудовом строю.

Семнадцатый лет — возраст сложный и легкий одновременно. А мы порой отнесемся к нему без должной бережливости. И вышло так, что до десятого класса наши сыновья и дочери сидели за партой, учили уроки и были детьми. Но, получив аттестат зрелости и выйдя за порог родной школы, они сразу с головой окунаются в такие жизненные противоречия, в которых не вдруг ориентируешься.

И именно в этот трудный момент своей жизни эти семнадцатилетние юноши и девушки остаются без коллектива, без чьей-то уверенной, помогающей во всем разобраться руки. Даже учетные комсомольские карточки хранятся в эти дни, а иной раз и месяцы, у них в кармане, пока не выяснится, куда становиться снова на учет.

Как же решить эту нелегкую проблему? Разумеется, она прямо связана с системой обучения в наших школах. До сих пор средние школы продолжают выпускать людей, не подготовленных к самостоятельному труду, и ребята, окончившие десятый класс, по-прежнему нуждаются в специальной подготовке. Именно поэтому так настоятельно требуют общественность решительнейшей перестройки школы, ее специализации.

Но поскольку этот вопрос еще не решен, надо позаботиться о трудовой судьбе наших десятиклассников. Мнения по этому поводу существуют разные. Их надо обсудить. И никто — ни министерства просвещения, ни промышленные министерства — не должен уклоняться от решения этой важнейшей проблемы.

Мокрым краем касаясь Сосян сумрачных В земли темной, Пеленою ненастья Застылая зарю... Я стою у калитки. Смотрю На дорогу, на лужи, По которым мальчишка веселый Вприпрыжку бежит. Ветер в роще голый Покухляе листья кружат...

Может быть, и за мной кто-нибудь Незаметно следит в это время, Про себя рассуждая: «Задумался старик! В эту слепоту и морось О чем его мысли?»

А. ВАЖАНОВА

Новое стихотворение Дмитрия Гудина, народного поэта Абхазии. Осень в Подмосковье. Пожалейте листья берез. Надо много летать, опадая. Слово лиги, Волжана потерявших, Садится бездомная стая. Опустается луч над лесом.

ЧТО ТРЕВОЖИТ СЕМНАДЦАТИЛЕТНИХ

1. Тане Буровой не повезло: на конкурсных экзаменах в вуз она срезалась именно на том, что считала своим любимым предметом, — на физике. И вот она за порогом института, в горьком раздумье. Во-первых, ужасно досадно, что родилась девочкой: все говорят, что мальчишка с такой успеваемостью, какая была в школе у нее, никогда бы не «завалился». Во-вторых, так странно сказать о своем провале родителям: ведь они буквально жили надеждой на благополучный исход экзаменов!

Но родители, против ожидания, отнеслись к сообщению Тани спокойно. Только голос отца звучал как-то не совсем обычно, когда он сказал: — Ну, что ж, дочка, в вуз не пошла — устранивайся на работу. Каждый должен зарабатывать свой хлеб!..

И Таня вдруг почувствовала себя робкой и черешитильной. Как это: устраниваться на работу? Куда идти?

В самом деле, куда идти в поисках работы семнадцатилетним, окончившим среднюю школу?

«Каждый день в отделе кадров таких популярный среди московской молодежи заводов, как электромашинный, часовой, шарикоподшипниковые, автомобильные, станкостроительные, приходит десятки девушек и юношей. Именно здесь они хотят в первую очередь узнать: — Принимаете на работу? Из окошка выглядывает равнодушное лицо сотрудница отдела кадров: — Десятиклассника?.. Нет, не берем... — А раньше брали? — Было дело по Полтавкой!.. — И работница отдела кадров заглядывает окошечко перед носом перепуганного семнадцатилетнего.

— Рассказывают, принимали здесь раньше нашего брата, — мечтательно говорит кто-то. — Всех подряд принимали... Да, это было в прошлом году. Даже в позапрошлом. На некоторых заводах целые конвейеры и цехи комплектовали молодежь, окончившую среднюю школу. А теперь?

— Возни с вами много, а проку на грош. — откровенно говорят десятиклассникам в отделе кадров. — Обучить вас специальности нужно, но два часа раньше, как подросток, отпустить с производства, а потом, как только освоятесь, гадящих, и снова в вуз, держать экзамены!.. Нет, для производства такая рабочая сила не рентабельна. Мы план выполняем, с вами цапкаться нам недосуд. Идите-ка вы лучше в райисполком, там есть специальные комиссии по трудоустройству...

Но и в райисполкомах с десятиклассниками никто не хочет «цапкаться». Здесь их просто информируют, заглядывая в записки различных предприятий, где в границах района требуется рабочая сила.

От крупных, ведущих промышленных предприятий столицы, которые как раз и интересуют молодежь со средним образованием, здесь заявок почти не бывает. А если и бывают, так только на квалифицированную рабочую силу. Остается выбирать между заявками предприятий поучукарского типа, ателье, трамвайных депо, строительных трестов.

Последних — бесчисленное множество. Они широко рекламируют курсы, организованные для подготовки маляров, штукатуров, бетонщиков и других строительных рабочих. Срок обучения — полгода. Большая стипендия. По окончании курсов обеспечивается работа по специальности на любой из строек Москвы. Прием не ограничен. Москва нуждается в строителях. Пожалуйста, хоть сегодня можно разместить на работу пять-десять тысяч человек!..

— Вам — преимущество, — говорят десятиклассникам в исполкомах. — Можете же со средним образованием приниматься в первую очередь. Приобретете специальность, поработаете на стройке, а в перспективе — Московский строительный институт. Туда принимают только москвичей, так что возможности большие. В нынешнем году на первый курс 700 человек принято!..

Они охотно откликаются на это предложение. Другие вслух или тихонько выражают недоверие. Особенно девочки. Они хорошо знают, какие рогатки именно им ставятся на конкурсных экзаменах в Московском строительном институте. И они в нерешительности топчутся: — Нет, малярами нам бы не хотелось. И штукатурами тоже. И бетонщиками... Не можете ли вы послать нас на другую работу?..

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе...

Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Тут разговор короток. Происходит он при помощи телефонного провода, на одном конце которого раскрасневшийся,

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Тут разговор короток. Происходит он при помощи телефонного провода, на одном конце которого раскрасневшийся,

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

Лито сотрудница исполкома мрачнеет: — Разве не почетно быть строителями нашей столицы?.. — Да, конечно, почетно, но лучше бы все-таки попасть на завод, — упорствуют иные. — Влетит другая профессия. Везь хочется не просто «приобрести» специальность, но и полюбить ее. Там видно будет, попадешь в вуз или нет, — пусть уж работа будет выбрана по душе... Но, оказывается, такие заводы оказываются в ведении министерств. — Попробуйте обратиться непосредственно в министерство, — советует работница исполкома.

И вот десятиклассники в министерском бюро пробуксовывают.

О делах журнальных

Первыми откликнулись сотрудники журнала «Сибирские огни» статьей «О делах журнальных» (см. «Литературную газету» от 29 сентября с. г.). Сегодня мы продолжим разговор на эту тему.

Больше творческой смелости

Дела журнальные редко обсуждаются в печати. А Черненко и Н. Бакин в своей статье подняли большие и важные вопросы практической работы журналов. Хотелось сделать несколько замечаний в подтверждение их правильных мыслей. Очень нужен рядом с «Огоньком» еще один «столбик» журнал. И вовсе не обязательно, чтобы он был намного дешевле. Дешевизна, как правило, тянет за собой ухудшение качества и прежде всего оформления журнала. Дешевле трех рублей издавать журнал с восемью страницами цветных вкладок, многочисленными обложками да еще на хорошей бумаге едва ли будет возможно. Лишнюю долю расходов на издание берет многокрасочное оформление. Новый журнал может быть по размерам похож на «Смену» или на «Молодого колхозника», но с содержанием и оформлением несколько иным. Его деятельность можно географически ограничить размерами Российской Федерации, так же, как работает новая газета «Советская Россия». Кстати, эта газета быстро нашла своего читателя и ищет свое творческое лицо. Правда, не все сразу удается редакции, но одно ясно — в «Советской России» долго не лежит.

Одного журнала «Огонек» мало для такой огромной страны. Будет двухмиллионный тираж — все равно не хватит. Гигантски выросли культурные запросы советского человека, а рост полиграфии и производства бумаги с каждым годом отстает от роста культуры в стране.

Думается, что для ознакомления народа с жизнью армии и флота и для пропаганды славных боевых традиций войнам среди широких слоев советской молодежи следует также военные журналы, как «Советский воин» и «Советский моряк», сделать более доступными для гражданского читателя, выделить некоторую часть лимита для полки через органы Союзапечати. Мы, например, получаем много писем от труженников, желающих подписаться на журнал «Советский моряк», но, увы, выполнить эту просьбу практически невозможно. А то, что выделяется для киосков Союзапечати, — капля в море.

Журнал «Знамя» с каждым годом поемую-то все дальше и дальше уходит от военной темы. А зря, не такое сейчас время, чтобы так быстро забывать о необходимости укрепления обороны страны. Журнал «Знамя» должен вновь повернуться к жизни армии и флота.

Писателям, желающим писать на оборонные темы современного периода, есть к чему приложить руку, было бы желание. А такое желание нужно организовать, и одним из организаторов должна быть редакция «Знамени».

Ставление молодого офицера, развитие военной мысли, личное и общественное в

военном деле, быт война и многие другие темы так и просятся на страницы этого журнала. Нельзя часто обходить эти темы и в других журналах: разумеется, мы уже все сказали о Великой Отечественной войне! Да и о гражданской войне написано обидно мало.

Нам думается, что самая большая беда наших «столбик» журналов — хронический недостаток хороших рассказов, написанных простым и образным языком с крепко сколоченным сюжетом. Без хорошего рассказа нет и «столбик» журнала. На одной публицистике, да еще суховатой, далеко не уедешь. То, что мы печатаем из номера в номер под видом рассказов, совершенно справедливо вызывает неудовольствие читателей. Если таким журналом, как «Огонек» или «Смена», с их огромными связками со всей страной, трудно достать хороший рассказ, то как же быть нам, делающим «ведомственные» журналы на военные темы?

Писателей в нашей стране много, но рассказы они почему-то пишут очень редко. Посмотрите на много писателя, и опять с грустью вспомните прошлое. Когда этот автор был молодым, то писал неплохие рассказы и даже очерки. Как только «вышел в люди», развалился толстенным романом, по поводу или «актуальной» пьесой, так сразу же совершенно забросил рассказы. Попробуйте попросить его написать короткого рассказчика хотя бы в праздничный номер. Обязательный отказ: «Не могу, занят крупными вещами». А ведь А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, А. М. Горький до конца своих дней писали рассказы, не считая их творчеством второго сорта.

После чудесных рассказов и новелл объединенных в книгу «Морская душа», Л. Соболев совсем забросил этот жанр. Давно перестал писать рассказы В. Лавренев, А. Штейн, С. Голубов, Л. Никулин и многие другие писатели, в прошлом активно выступавшие в периодической печати с рассказами и очерками.

Нам, редакторам «столбик» журналов, обычно говорят: быстрее растите молодых авторов, печатайте их смелее. Мы стараемся, растим, печатаем их подчас даже слишком смелое. Но лучше всего можно растить на ярких, убедительных примерах современных рассказов писателей старшего поколения. А где эти самые рассказы?

Один из молодых писателей-марков на вполне законное пожелание рецензента написать так же выразительно, лаконично и сочно, как пишет Л. Соболев, ответил: Соболев, дескать, писал про войну. На войне черты характера людей проявляются во сто раз ярче. А пусть он или Лавренев попробуют написать о том, как отсталый матрос стал передовым в наши дни, и покажут нам, начинающим, как

нужно писать о таких делах. Тогда и нам учиться будет легче.

Нам кажется, что пожелание начинающего писателя — офицера флота заслуживает внимания. Очень большой бедой для журналов с многокрасочным оформлением является слабость нашей полиграфической базы. Нигде нет таких «железных» сроков сдачи журналов в печать, какие существуют, например, для журналов «Советский воин» и «Советский моряк». Цветные вклады и обложки мы обязаны сдавать издательству за два месяца до выхода журнала в свет.

Авторы статьи рассказали, с каким трудом им приходилось вводить кое-какие новшества в своем журнале. Думается, что мы, редакторы, сами себя запугали и стали бояться любой критики. Выяскает печатно какой-либо допуск критик, начинаем мы думать, ну а мы сразу начинаем каяться, признавать ошибки, которых почас и не было. Нужно больше творческой смелости. А там, где критик подходит субъективно, а иногда еще и явно несправедливо, давать ему отпор тут же, на страницах журнала.

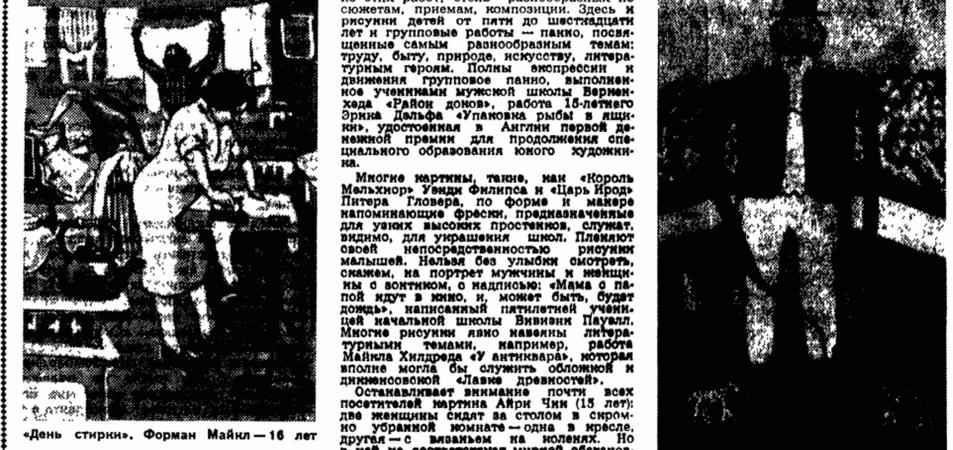
Очень справедлива постановка вопроса о правах редакции по выплате гонорара за публикуемые материалы в журналы. Тут много беззакония и неразумности. Что ни издательство, то свои финансовые правила и законы. Комбинат «Правды» платит по одним ставкам, Воениздат — по другим, «Молодая гвардия» — по третьим и т. д. Сколько лет говорим о том, чтобы навести порядок в гонорарной практике, но результаты пока никаких. Редактор при размете гонорара поставлен в такие рамки, что фактически он бесправен в определении качества напечатанной литературной и оформительской продукции. Решение редактора журнала может свободно отменить любой финансовый работник издательства. Все зависит от «активности» редактора и финансиста: кто кого переспорит, тот и одержит верх. А спорить можно до бесконечности, потому что какого-либо четкого обобщающего документа по литературному и оформительскому гонорару до сих пор нет.

Отсутствие хорошо продуманной и четкой системы по выплате гонорара дает широкие возможности для махинаций разного рода проходимцев и жуликов, а с другой стороны — для произвола некоторых финансистов, ущемляющих законные права авторов и редакторов. Давно пора иметь хороший документ по гонорарной практике в периодической печати.

А. Черненко и Н. Бакин правильно выступили в «Литературной газете» со своими напутствиями и предложениями. Они подняли очень большие и важные вопросы нашей практической работы.

П. МУСЬЯКОВ, редактор журнала «Советский моряк»

РИСУНКИ АНГЛИЙСКИХ ДЕТЕЙ

«В цирке». Чоут Маргарет — 11 лет. Выставка открылась всего несколько дней назад, но в книге отзывов уже много восторженных отзывов, отмечая гармонично, богато и красочно выполненность восприятия, изобретательность, живость фантазии маленьких английских детей.

Многие картины, такие, как «Юрью Мельхор» Уинди Филлипс и «Дарь Ирод» Питера Гловера, по форме и названию напоминающие Фрески, предвещающие для этих молодых художников, слушат, видимо, для украшения шпона. Пейзаж своей непосредственностью рисунки малышей. Нальва без улыбки смотреть, скажем, на портрет мужчины и женщины с восторгом, с восторгом: «Видно, а пелой идут в школу, и может быть, будет дождь», написанный пятилетней ученицей начальной школы Винни Паулс. Многие рисунки явно навеяны литературными темами: «Мальчик и девочка», «Мальчик Хилдред» «У антикара», которая вполне могла бы служить обложкой и для «Молодого колхозника».

Остальные картины почти все посетителям Мартина Айри Чин (15 лет): две женщины сидят за столом в простом убранной комнате — одна в красном, другая — в желтом, на столе. Но в ней не соответствует мирной обстановке выражение лиц обеих женщин, полные трагичности, беспомощности и страдания предчувствия. Картина называется «Женщины».

Восторженные работы написаны под влиянием выставки картин в школе. Это вальдской живописи, но есть и близкие и реалистичные школы, такие, как пейзаж Малькольма Дента «Вид из школьного сада», и ряд портретов, писанных к натуре.

В Москве, в Выставочном зале оргкомитета Союза художников, открылась выставка рисунков детей Англии. Около трехсот работ юных живописцев прислали редакция английской газеты «Санди Пикетриал» при содействии Английского общества культурной связи с СССР. Это экспозиция выставки картин детей Англии, организованной в прошлом году в Лондоне и других городах.

Большим дарованием отмечены многие из опытов СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Точка наблюдения писателя

Е. СТАРИНКЕВИЧ

Создание произведений большой эпической формы — романа, эпопеи — это всегда свидетельство потребности народа осознать и обобщить свой опыт исторического творчества, свидетельства зрелости и литературы и писателя. Но пути, которыми прозаик приходит к овладению большой формой, так же многообразны, как и тематические, жанровые, стилистические разновидности романа.

Своеобразен и вместе с тем типичен для советской прозы творческий путь одного из талантливых и плодотворных украинских романистов — Юрия Смолича.

Смолич вошел в литературу еще в 20-е годы вместе с такими украинскими прозаиками, как А. Голово, П. Панч, И. Де. Вместе с ними Смолич преодолел трудности, возникавшие перед писателями в период становления советской реалистической прозы в украинской литературе.

В своих научно-фантастических романах («Последний Эджейвуд», 1926, «Хозяйство доктора Гальванова», 1929, «Еще одна прекрасная катастрофа», 1932, и другие) и в своеобразных романах-памфлетах («Полтора человека», 1927, «Фальшивая Мальвина», 1929, «По ту сторону сердца», 1930, «Сорок восемь часов», 1933) Смолич проявил себя как писатель, щедро одаренный творческим воображением, и вместе с тем как обличитель идеологии капиталистического мира и буржуазного национализма.

Если названные произведения не выдержали испытания временем в такой мере, как, например, написанный в те же годы «Бурьян» А. Голово, то объясняется это тем, что Смолич еще не сумел тогда противопоставить обличающему противнику достаточно яркий и жизненно убедительный образ человека — творца новой, социалистической жизни.

После творческого пути для Смолича были прежде всего поиски героя, и они оказались тем более успешными, чем глубже изучал писатель жизнь.

Важная жанровая линия творчества Смолича — его публицистика, представленная у него в различных формах — от упомянутого выше романа-памфлета и до статей, фельетонов, памфлетов, очерков (сборник «После войны», 1948, «День начинается рано», 1953).

Сам писатель подчеркивает первостепенное значение публицистики в своем творчестве: «Собственно говоря, с этим жанром связан весь мой рост как литератора».

Прямой линией творческой публицистики в повествовательную ткань ранних произведений Смолича, в частности романа-памфлета «Сорок восемь часов», имелось лишь «экспериментальное» значение и во многом не оправдало себя. Но писатель и по сей день не прекращает поисков такой формы, которая органически сочетала бы публицистическую заостренность оценок с реализмом изображения действительности во всей ее конкретной исторической достоверности.

По широте охвата и глубине художественного проникновения в жизнь центральное место в творчестве Смолича занимают его романы — трилогия «Детство», «Наши тайны», «Восемнадцатилетие» (написанные в 30-е годы) и последнее большое произведение «Рассвет над морем» (1953).

Трилогия Юрия Смолича принято относить к автобиографическому жанру. Действительно, в ней немало лиц и событий, соотносимых с биографией автора, немало пережитого и наблюдаемого им непосредственно. Сильнее всего это чувствуется в повести «Детство», маленький герой которой Юра — сын учителя Корнелия Ивановича, — несомненно, сам писатель, ровесник века.

В «Наших тайнах» авторское в свободном заглавии: рассказ ведется от лица некоего коллективного «мы». Рассказчик и героем является дружная компания гимназистов, команда футболистов, одиозная товарищеская. Ни один из этих, таких различных, индивидуальностей очерченных мальчиков не имеет преобладающего права на отождествление его с автором. И в то же время читатель не перестает ощущать личность писателя, как бы слинувшись с этим спящим школьным коллективом.

Но вот наступает конец гимназическому бытию — на смену школьной дружбе приходит вместе с огромными социальными сдвигами в жизни общества — революцией, гражданской войной — новые связи, новые интересы. В романе «Восемнадцатилетие» рассказ ведется в третьем лице. В повествование входит множество новых персонажей.

Можно, без сомнения, и здесь установить целый ряд эпизодов, совпадающих с фактами биографии писателя — очевидца и участника событий, описываемых в романе. Но суть трилогии не в этом. Задача писателя заключается в том, чтобы, исходя из лично пережитого и на-

Рождение журнала

Это не было собранием, и протокол никто не писал. Разговор возник стихийно, ибо вопросы, взволновавшие авторов статьи о делах журнальных, также очень заботят и близко затрагивают писателей-воронежцев.

С 1957 года в Воронеже возобновляется издание литературно-художественного и общественно-политического журнала «Подъем». Журнал призван объединять вокруг себя литературные силы не только Воронежской, но и смежных областей центрально-черноземной полосы.

Каких должен быть журнал «Подъем»? Об этом и идет сейчас горячий разговор в писательской среде. Создание журнала — большое событие в нашей культурной жизни. Алмазах «Литературный Воронеж», выходивший не чаще трех раз в год, и альманахи Курска, Орла, Тамбова, выпускавшиеся еще реже, уже по одной этой причине не могли оперативно откликаться на явления текущего дня. Материалы устаревали, как говорится, на корню! Другое дело — журнал с шестью номерами в год.

Товарищи из «Невы» не побоялись создать журнал-гибрид. И правильно сделали! Только люди, не сведущие в агрономии, думают, что гибриды — это «ни то, ни се». У нас, на родине Мичурина, хорошо знают плоды, выведенные методом гибридизации. Отличные плоды!

Мы за журнал «гибридного» типа. Нам хочется сделать его разносторонним.

Журнал восстановлен с названием, которое он носил в прошлом, еще в тридцатые годы. Оно вполне удовлетворяет нас сейчас. «Подъем» — это слишком общо. Хотелось бы в дальнейшем дать журналу другое имя. Журнал должен быть очень «сегоднешним», ему надо активно и заинтересованно вторгаться в сферу общественной и культурной жизни края. В нем должен быть аромат черноземья, наша рожь и свекла, курские яблоки, липецкая металлургия и искромешные воронежские прививки.

Быть журналом местным, но не провинциальным, местным и в то же время рав-

Читатель это любит

Очень правы т. Черненко и Бакин, тронувшие над первоисточниками косного консерватизма в журнальном деле. И поверьте, читатель наш в Москве радуется новинкам в «Знамени», в «Октябре», в «Новом мире» и других изданиях. Правы авторы статьи и в том, что не желают дублировать «толстый» журнал прошлого века, лишением иллюстраций. Очевидно, многие товарищи не знают, что форма и верстка «Отечественных записок» или «Русского богатства» в значительной мере обуславливались слабостью типографской техники прошлого века. Нам в XX веке с нашей полиграфией нет оснований отказываться от всего того, что может украсить журнал. У нас еще много кому известен тип ежемесячного журнала, очень распространенный во всем мире в наши дни. Это сочетание «толстого» и «тонкого» журналов. Подобное издание было и у нас и называлось «30 дней».

Почему мы должны отказаться от яркой подачи материалов, от живой верстки, от талантливых фотографий, от карикатур, исполненных и в шптрихе и в красках, от графических заставок и вьеток, от иллюстраций, от репортажных находок, от диаграмм и т. д. и т. п.? По своему длительному опыту журналиста я точно

знаю, как любит читатель все это. И он в полном праве любить живое оформление и содержание своего журнала!

Однако я категорически протестую против попытки смешать суть того, что напечатано или нарисовано, с формой. Можно сделать очень хороший журнал в вялой манере, очень изобильной нашими рецензентами. И наоборот: живое оформление материалов только украшает, усиливает воздействие журнала на читателя.

Разумеется, и в оформлении нельзя стоять на пути формализма. Но это уже другая тема. Справедливо ради отмену, что как раз «Нева», решительно утверждаясь на порогах в журнальном деле, еще робко оборачивает и выбирает свои материалы. Темплет и смелость не только редактора, но и художника очень нужны этому литературному изданию. Правда, в наш журнал еще очень много.

Журналы тоже имеют возраст и подлинное лицо свое обретают не в первый и даже не в пятый год существования. Вот наш пример: когда начался журнал «Юности», любители предкевать неудачу пожимали

плечами и повторяли: «Уже ясно: ничего не выйдет и не выйдет». А через несколько номеров «Юности» обрела огромную популярность даже и среди взрослых читателей. Лицо «Юности» найдено.

Теперь можно идти по пути развития и совершенствования найденного стиля.

Лицо «Невы» тоже известно, и оно правится читателями. А все-таки пора Ленинградскому журналу быть посмелее даже в верстке, в шптриках и заголовках, в фотографиях и рисунках, словом, во всех элементах того сложного целого, что называется «номер журнала». Конечно, это трудно при условии, что и первые шаги на таком пути вызывают непонимание и недоверие даже у части профессиональной критики. Но надо идти вперед и показывать пример тому, как самый молодой журнал опережает своих более старших собратьев.

В заключение хочу отметить справедливость еще одного замечания т. Черненко и Бакина: да, действительно, нам нужны сатирические журналы и кроме «Крокодила». Напомним, что в 29-м году было четыре сатирических журнала в Москве и один в Ленинграде, не считая иных городов Советского Союза. Надеемся, что такие появятся в ближайшее время.

В. АРДОВ

Издание пьес украинских драматургов

КИЕВ (Наш корр.). Украинское издательство художественной литературы «Держлітвидав» планирует выпустить в 1957 году ряд произведений украинских советских драматургов, в том числе и пьес, не издававшихся длительное время.

Большой интерес представляет литературное наследие крупного украинского драматурга и публициста Я. Мамонтова, пьесы которого в свое время пользовались широкой популярностью. В его драматическом волеут пьесы, драматические этюды, инсценировки.

В двухтомник избранных произведений другого выдающегося украинского советского драматурга И. Минкитенко включаются пьесы «Диктатура», «Дело чести», «Девушка нашей страны», «Кадыры», сатирическая комедия «Соколы на флоте». Издательство предполагает выпустить в будущем году драматические произведения М. Ириана, Н. Кулиша.

БАТЛЕР И ДИКСОН ГОВОРЯТ НЕПРАВДУ

5 ноября английский делегат в ООН Диксон в специальном письме генеральному секретарю ООН Хаммаршельду без зазрения совести утверждал, что в Египте «гражданскому населению, вероятно (1), причинен небольшой ущерб, и среди него имеется немного жертв».

13 ноября с трибуны английского парламента лорд-хранитель печати Батлер кутюнил Диксона: «Общее число жертв в Египте как среди военных, так и среди гражданских не превышает 100 убитых и 540 раненых».

Вслед за английскими государственными деятелями вся английская пропаганда пытается представить агрессивную войну против Египта как безобидную, чуть ли не бескровную «полицейскую акцию». Так, в одном из коммюнике, опубликованном штаб-квартирой англо-французских войск на Кипре, говорилось: «Скрупулезный выбор командованием союзнических военно-воздушных сил целей для бомбардировок с воздуха с тем, чтобы не подвергнуть опасности гражданское население Египта, по-видимому, не имеет прецедента в истории воздушного наступления».

Однако эти утверждения не согласуются с фактами и свидетельствами очевидцев. Даже корреспонденты крупных буржуазных газет и агентства опровергают заявления Батлера и Диксона.

Наконец выступления Батлера корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс Уильям Мэхони сообщил из Порт-Саида: «Число жертв все еще представляет собой предмет гаданий. Один сотрудник египетского городского госпиталя заявил: «Только у нас умерло 2 тысячи человек». То есть, в 20 раз больше, чем, по утверждению Батлера, во всем Египте!»

Английский коллега Мэхони — корреспондент газеты «Дейли геральд» Денис Питтс сообщил 8 ноября: «Я только что совершил прогулку ужаса. Почти на каждом углу лежат мертвые тела. Их погружают на грузовики и на специальные машины, обычно употребляемые прачечными для перевозки белья. Рыдающие женщины бродят между трупами, отыскивая своих близких». Одна из таких женщин изображена на снимке № 2, взятом из французской газеты «Юманите».

Грузовики, специальные машины, употребляемые прачечными, — всего этого транспорта оказалось недостаточно для перевозки жертв «скрупулезно рассчитанного» атак англо-французской авиации.

«Солдаты погребальных команд...» — писал 11 ноября У. Мэхони, — продолжают хоронить мертвых на городском кладбище, расположенном на берегу Средиземного моря. Постоянно подвывают грузовики с трупами. Желто-красный грузовик для перевозки «кока-колы» используется в качестве катафалка».

Нет, не 100 и даже не 1000 человек уничтожили англо-французские агрессоры в Египте 12 ноября египетское посольство в Вашингтоне передало в печать отчет очевидца боев в Порт-Саиде — шведского журналиста Андерсона. Только в одном этом городе было убито от 7 до 12 тысяч египтян.

Англо-французские воздушные пираты постоянно проявили «скрупулезность» в рас-

праве с мирным населением Египта. Бомбы сбрасывались без разбора на жилые кварталы, госпитали, школы и тому подобные «военные объекты». Интервенты расстреливали женщин, детей и стариков из пулеметов, установленных на вертолетах.

4 ноября корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщил из Каира: «Бомбардировка прекратилась, и я отправился в пункт первой медицинской помощи. Туда внесли строительного рабочего с раненой ногой. Я спросил его, что случилось. «Обычно, — сказал он спокойно, — налетели самолеты и бомбили аэропорт. Несколько бомб попали на наше строительно-ремонтное бюро. Мы бежали, но два самолета обстреляли нас из пулеметов».

Двое санитаров внесли тело, покрыли его газетами и вынесли за следующие ворота. (На снимке № 3, взятом из американского журнала «Тайм», — жертвы англо-французской бомбардировки Каира).

Из Порт-Саида корреспондент газеты «Дейли геральд» А. Макуинни сообщил: «Я нахожусь в грязном и жалком временном госпитале, изрешетенном пулями уличных боев. Только три дня тому назад это был роскошный отель «Палас Казино». Сейчас здесь трудно найти целое окно, разбить хотя бы один ярд пола, не покрытого обломками. Все еще продолжается пулеметная стрельба. В темных и извилистых подвалах, внизу идет охота за людьми».

Американский лодчман Фрэнк Амависа, работавший на Суэцком канале, рассказал, что англичане обстреливали паром между Порт-Саидом и Порт-Фуадом, и погибли много гражданских лиц.

Пожары в Порт-Саиде продолжались несколько дней после его захвата интервентами (см. снимок № 1 из немецкой газеты «Юрбургер нахрихтен»). По свидетельству иностранных корреспондентов, англо-французское командование приказало истребить население города водой, чтобы не дать потушить пожары.

Не один Порт-Саид стал жертвой англо-французского разбоя. Американская газета «Нью-Йорк таймс» поместила карту, на которой обозначены египетские города, подвергшиеся ожесточенным массированным атакам англо-французской авиации. За условными знаками, в виде маленьких авиационных бомб, стоят огромные разрушения и большое человеческое горе.

Таковы последствия англо-франко-израильской агрессии в Египте. А ведь окончательные итоги ее еще не подведены. Их трудно подвести, пока интервенты топчут землю Египта. Мы видим на карте обширные заштрихованные пространства — это районы Египта, оккупированные войсками захватчиков.

Английские и французские правители надеются, что личными сообщениями о последствиях их преступной агрессии против Египта они обаяют себя в глазах мировой общественности, усилит бдительность, успокоят совесть народов. Расчет господ Батлера и Диксона не оправдался.

Возмущенные народы единодушно требуют призвать интервентов к ответу, заставить их убраться из Египта и возместить причиненный ему ущерб. Египетский народ должен не только вновь стать полноправным хозяином в своем доме, но и получить возможность отстроить свои разрушенные города и селения, дать кров тысячам бездомных, устроить судьбу осиротевших детей.

Книга о китайской литературе наших дней

За годы, прошедшие со дня провозглашения Китайской Народной Республики, советский читатель получил возможность ознакомиться со многими выдающимися произведениями китайской литературы. В их числе относятся замечательные произведения великого китайского поэта-патриота Цюй Юаня, творившего в IV веке до нашей эры, классические романы «Процессия» и «Речные заводи», избранные жизнеописания Сыма Цяня, стихотворения Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и и другие шедевры китайской классики, а также произведения современных китайских писателей — Го Мо-жо, Лао Шэ, Ба Цзиня, Чжао Шу-ли, Ай Цина, Е Шэн-тао, Лю Бай-я и многих других талантливых писателей. Произведения основоположника современной китайской литературы Лу Синя изучаются в советских школах, в программы наших университетов включены курсы китайской литературы, многие аспиранты посвятили свои диссертации исследованию тех или иных этапов развития китайской литературы — как классической, так и современной. Однако литературоведческие работы о китайской литературе за это время появились мало. Их перечень исчерпывается «Очерками современной китайской литературы» Н. Федоренко и монографической работой В. Петрова об Ай Цине. Поэтому выход в свет книги Л. Эйлина «О китайской литературе наших дней» — значительное событие в нашем литературоведении.

Основное место в книге Л. Эйлина занимает анализ процессов, происходивших в китайской литературе после январского совещания работников литературы и искусства (май 1942 года) и известных выступлений на этом совещании работников литературы и искусства «служить рабочим, крестьянам и бойцам». Одной из центральных глав книги является вторая глава, в которой автор на богатом фактическом материале прослеживает развитие демократических традиций в классической китайской литературе, восприятие этих традиций и их дальнейшее развитие в творчестве Лу Синя, стоящего у истоков современной китайской литературы. Автор дает яркие характеристики великих поэтов древнего Китая — Цюй Юаня, Тао Юань-мина, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и и других, в творчестве которых слышны демократические, гражданские мотивы. Тем более огорчительно, что в книге мы не находим разбора поэтических произведений современных китайских поэтов, внесших значительный вклад в развитие современной китайской литературы. И хотя автор предвзвешивает книгу сообщением о том, что речь в ней будет

идти лишь «о китайской прозе и драматургии», думается, такое самоограничение не оправдано, и вот почему. Показывая на примере ряда произведений 1942 — 1955 годов основное направление в развитии китайской литературы, борьбу ее за овладение методом социалистического реализма, нельзя не остановиться на творчестве таких замечательных поэтов, как Цзянь Цзянь, Кэ Чжун-пин, Ай Цин, Тянь Цзянь, Юань Шуй-по, Ли Цай и другие, многие произведения которых прочно вошли в фонд достижений современной китайской литературы.

Автор подробно разбирает прозаические произведения Чжао Шу ли, Чжоу Ли-бо, Цао Ман, Чэнь Дэн-ка, Гао Юй-бао и других писателей, чьи романы, повести и рассказы появились после совещания в Яньани — вплоть до 1955 года. Эти главы отмечены глубоким знанием подлинных анализируемых произведений, а также и работ китайских литературоведов.

Значительно меньше места уделено разбору драматургических произведений. В этом, впрочем, и нельзя винить автора книги — не драматургия, а проза прокладывала дорогу и шла в авангарде китайской литературы в этот период. Неожиданным является здесь выделение на первый план таких, теперь уже забытых, хотя в свое время сыгравших определенную роль пьес, как «Радость бедняков» и «Песнь о красном знамени», в ущерб, скажем, пьесам «Луносыюй» Лао Шэ, «Светлое небо» Цао Юя, «Испытание» Ся Яня — произведениям, сыгравшим в развитии современной китайской драматургии несравненно большую роль и до сих пор не сходящим со сцены.

Важна глава, посвященная борьбе против различных буржуазных теорий и взглядов, имевших место в китайской литературе за последние годы. Автор детально разбирает ошибки, допущенные писателями Сю Цзюнем и Сю Бэ-му, в произведениях которых нашли свое отражение мелкобуржуазные и менские настроения, рассказывает о борьбе, развернувшейся вокруг кинофильма «Жизнь У Сюна», пропагандировавшего реакционную буржуазную идеологию, о борьбе против «теории» Ху Ши и Ху Фына.

Жаль, что книга разбита на главы, помеченные лишь римскими цифрами, никаких алфавитных или других указателей нет, нет даже оглавления. Поэтому быстро найти ту или иную справку представляется затруднительным.

В заключение хочется сказать, что, несмотря на частные недочеты, которые могут быть легко устранены, эта книга станет незаменимым пособием для тех, кто изучает китайскую литературу.

Л. Эйлин, «О китайской литературе наших дней», «Советский писатель», 1955.

А. ТИШКОВ

Георгий Аркадьевич Шенгели

На 63-м году жизни скончался видный советский профессор-филолог, поэт и переводчик Георгий Аркадьевич Шенгели. Вступив в 1914 году с первым сборником стихов, Георгий Аркадьевич создал свыше ста художественных и критических произведений, принесших ему широкую известность среди читателей.

Перу Г. А. Шенгели принадлежат книги стихов «Гоним», «Раковина», «Нора», драматические поэмы «Нечаян» и «1871 год», научные работы и учебники — «Два памятника», «Трактат о русском стихе», «Школа писателя» и выдержавшая семь изданий популярная книга для работников «Как писать стихи, стихи и рассказы», написанная по совету М. И. Ульяновой.

Г. А. Шенгели был одним из крупнейших специалистов по теории стиха, на протяжении многих лет вел большую преподавательскую и научную деятельность в литературных вузах страны. Г. А. Шенгели был страстным пропагандистом и глубоким знатоком русской классической поэзии. Он возглавлял Всероссийский союз поэтов, состоял

действительным членом Академии художеств Наркомпроса, а со дня основания Союза писателей СССР принимал активное и живое участие в его работе.

Велики заслуги Г. А. Шенгели как поэта-переводчика. Он перевел на русский язык все основные произведения Верхарна, тринадцать поэм Байрона, стихи и поэмы Виктора Гюго, Мопассана, Гейне, Эредиа. Георгий Аркадьевич сделал достоянием русского читателя поэмы Леси Украинки, турецкий эпос «Алсанем и Гариб», стихи Махтумкули, Барбаруса, Лахути и многих других братьев поэтов.

Г. А. Шенгели был человеком огромных знаний, большой культуры, его отличала подлинная, высокая любовь к родной литературе. Память о нем надолго сохранится в наших сердцах.

Правление Московского отделения Союза писателей СССР Секция поэтов и секция переводчиков при правлении Московского отделения Союза писателей СССР

Открыта подписка на 1957 год на новый литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал «МОСКВА»

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

СЛОВО МАСТЕРОВ КУЛЬТУРЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

С возмущением пишут деятели культуры о той постыдной и грязной кампании, что развернулась в эти дни на страницах реакционной прессы и радио против социалистических стран, против всего передового и прогрессивного. Эта клеветническая кампания, указывает в «Литературном фронте» Христо Радевский, сыграла немалую роль и в венгерских событиях, особенно в период их подготовки. «Далеко известно, что как вне страны, так и внутри ее — особенно внутри — была предпринята яростная атака против Венгерской Народной Республики. Эта атака изнутри сыграла гнусную, предательскую роль против венгерского народа. Писатели и журналисты, отдавшие свое плечо в распоряжение этой пропаганды, могут назидательно убедиться, каковы ее результаты, и объективно оценить свое поведение».

Ответа на попытки реакционной пропаганды внести раскол в ряды интеллигенции стран социализма, румынский писатель Михай Бонин пишет в газете «Ромыния либерэ»: «Если кто-либо предполагает, что бывшие помещики или фабриканты, представители старых партий, фашисты-легионеры и прочие паразиты, которые выжимали все соки из нашей страны, являются желанными для нашего народа, мы можем им сказать: глубоко ошибаетесь, господа! И так думает весь наш народ. Так думает подавляющее большинство интеллигенции. Мы верим в социализм, верим в нашу победу».

Об этом же говорит и другой румынский писатель — академик Захария Станку: «Мы от всей души ненавидим всех, кто пытается мешать нам осуществить чаяния народа, все, что тормозит его путь вперед. Мы признаем Румынской Рабочей Партии, которая направляет труд нашего народа в различных областях жизни, направляет и нас с любовью и заботой к нашему творчеству, к литературе. Мы верны марксизму-ленинизму, партии, мы храним верность социалистическому пути, который по соб-

ственной воле избрали наши рабочие, крестьяне, интеллигенция».

Захария Станку пишет и о тех отщепенцах, писателях, что оторвались от своего народа и ныне скитаются в западных странах. Одна из этих групп находится в услужении Парижского радио. «Недавно», — сообщает Захария Станку, — она выболтала по микрофону свои сокровенные мысли. Хриплым голосом уставший от собственной брехни продажный человек сказал: «За последнее время мы с волнением перелистываем прессу Румынской Народной Республики, и в особенности ее литературные издания. И нужно признать: каждый раз, когда мы складываем прочитанные газеты, нас охватывает глубокая печаль».

«Глубокая печаль» этих проходивцев, ютящихся в Париже, вызвана тем, что наши писатели не забывают своих отцов, живших и умерших в нищете, босыми, ибо их грабили и мучили помещики. Те, кто выступает по Парижскому радио, огорчены, что наши писатели идут вместе с рабочими и крестьянами и не используют силу своего пера, чтобы требовать возвращения помещикам земель, а фабрикантам — заводов и предприятий. Не требуют, чтобы во главе государства снова встал Михай. Наши писатели не требуют, чтобы государственными делами вновь распоряжались бывшие буржуазные деятели, вроде тех, что расстреливали в 1907 году крестьян, или тех, что после 1930 года установили королевскую диктатуру, а после 1940 года — фашистскую диктатуру, или, наконец, вроде тех, что потворствовали в январе 1941 года бандам убийц, а затем ввергли страну в преступную войну.

Путь наших писателей — это путь нашего трудового народа. По этому пути мы идем, сметая преграды, устраняя недочеты. По этому пути мы идем вперед. Этот путь нашего народа есть и путь писателей, ибо мы кровью от крови народа.

Мы любим тех, кого любит наш народ. Мы ненавидим все то и всех тех, кого ненавидит наш народ».

НАРОД ЕГИПТА — НАШ ДРУГ

Так назывался вечер, состоявшийся 18 ноября в Центральном Доме журналиста. Работники советской печати, представители интеллигенции Москвы, принимавшие участие в вечере, тепло приветствовали дорогих гостей — дипломатических представителей Египта, Сирии, Судана и Ливана.

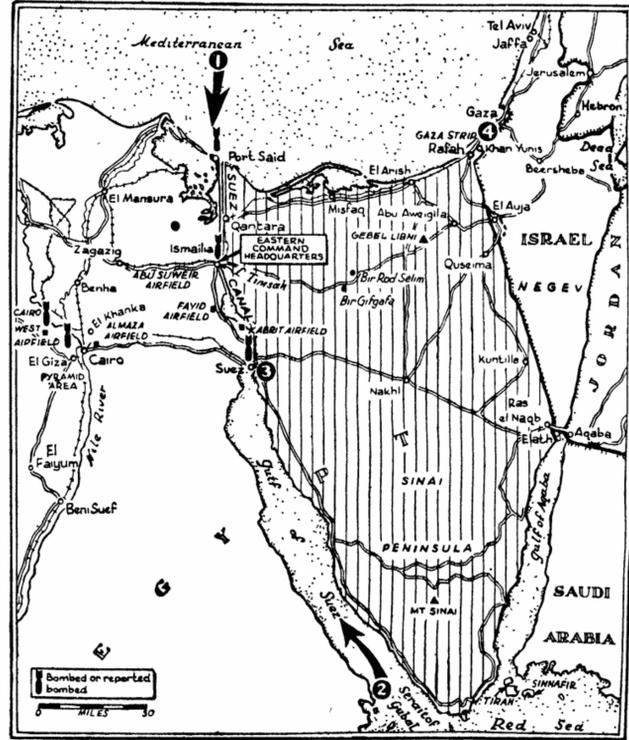
Присутствующие почтили минутой молчания память бесчисленных жертв англо-франко-израильской агрессии.

Бурными аплодисментами встретили москвичи выступление посла Египетской Республики Мохаммеда А. эль Куни, вы-

разившего глубокую благодарность всей советской печати за ее правдивое освещение борьбы египетского народа против агрессоров.

О растущей солидарности с египетским народом рассказали посол Сирийской Республики Жамаль Фарра, посол Судана Мохаммед Хамад эль Нил и египетский журналист Махмуд Ас-саф.

На вечере выступили также советские журналисты. В заключение состоялся просмотр новых египетских документальных фильмов.

Точка наблюдения писателя

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

«превращений», ставшего впоследствии народным героем, полководцем, сиявшим любовью и благодарной памятью потомков. Не опасаясь права романиста на сюжетные «вольности», запутанную интригу, передевания и т. д., стоит специально посмотреть, использовал ли Ю. Смолич и другие приемы обрисовки характера, раскрытия внутреннего мира героя. Ведь при всей фактической достоверности эпизодов конспиративной деятельности подполья, всех этих сложных перипетий и ошеломляющих неожиданностей он становится художественной правдой лишь тогда, когда в основе движения романа лежат все же человеческие характеры во всей их внутренней глубине и сложности.

Внешняя сюжетная занимательность, уводящая от глубоких проблем «человековедения», не раз являлась соблазном на творческом пути Ю. Смолича. Не совсем свободен от нее и роман «Рассвет над морем», слишком изобилующий «приключениями». Обаятельный, но несколько внешне очерченный образ Николая Ласточкина выиграл бы в своей жизненности, если бы автор не так увлеклся эпизодами «маскировки» и глубже раскрыл перед нами мысли и чувства этого удивительного человека, наделил бы его более осязаемой биографией.

Роман «Рассвет над морем» дает основания говорить еще об одной важной проблеме литературного мастерства, волнующей не только прозаиков, но и драматургов и

писателей различных жанров. Дело идет о соседствовании в одном произведении образов, выписанных в реалистической, живописно правдоподобной манере, и «заостренных», гротеско-сатирических, плакатных.

В романе Ю. Смолича сделана попытка преодолеть этот разрыв, придать сатирически очерченным фигурам известную пластичность, даже психологическую углубленность. Многие из представителей лагеря контрреволюции — французские интервенты генерал д'Анселым, полковник Фредамбер, консул Энно, а также матерые «деятели» белогвардейщины и украинского буржуазного национализма наделены биографией, внутренней жизнью, индивидуальными черточками.

И все же здесь писателю не выходит за пределы наперед составленной схемы: отрицательные персонажи отрицательны во всем, в них нет ничего человеческого. Они не говорят, а «орут», «хрипят», «голосят», они распухли, грубы, предельно глупы, гадки во всех своих поступках и помыслах.

Не удивительно, что образы эти статичны, они быстро исчерпываются, а в связи с этим исчерпываются и средства художественного живописания романиста: он повторяется, приводя еще и еще те же самые — пусть и удачно найденные! — детали, вроде пьяной оудри, в которой пребывает адмирал Боллард, или подергивания щеки Фредамбера.

А между тем Ю. Смолич — мастер характерной детали, и, если бы он не ограничи-

вал себя предвзятой схемой, ему, несомненно, удалось бы подсмотреть в своих отрицательных персонажах какие-то более живые черты.

Ведь сумел же романист увидеть и описать множество интересных характерных бытовых деталей, живопису шумную, колоритную, полную разительных контрастов жизнь Одессы той эпохи. Благодаря этому роман «Рассвет над морем» отмечен той «правдивостью деталей», которая упоминалась Энгельсом в его определении реализма.

«Правдивость деталей» — результат особой остроты зрения, умения видеть, наблюдать, запоминать разнообразнейшие приметы времени, «необычное выражение» лиц, характерные черты обстановки.

Из бесчисленных архивных материалов, из газет, объявлений, афиш, рассказов очевидцев, собственных впечатлений романист сумел отобрать выразительные факты и эпизоды, рисующие Одессу того времени. Смолич не увлекся показом эффектной внешней стороны жизни праздной верхушки. Он сумел увидеть Одессу «снизу», глазами трущобного населения города.

Вот это умение найти верную точку наблюдения и помогло Смоличу глубоко осмыслить громадный, поистине подавляющий своим изобилием материал, отобрать из него важное и нужное.

Для советской литературы поучителен не только этот положительный опыт прозаика, полезно вспомнить и те неудачи, которые были на его пути.

Еще в конце тридцатых годов, прожив лето у рыбаков Одессы и захваченный интересными рассказами одесских старожилов, Смолич на этом материале написал

повесть, киносценарий и пьесу. Все эти произведения остались неопубликованными, — они не понравились самому автору. Вот как он объясняет, почему так получилось:

«Корень неудач был в том, что, увлекшись человеческими характерами — действительно любопытными — собеседников, автор все свое творческое внимание обратил именно на эти, пусть и действительно интересные, однако не столь типичные фигуры... слишком увлекся воспроизведением местного колорита, уклонился с пути литературы на тропу жанрового бытописания, а общественные явления и самые события, участникам которых были «герои», не осмыслил. Автор был «на поводе» у «челюдей», и все эти три вещи — и повесть, и сценарий, и пьеса — поэтому и впади в натурализм».

Как видим, Ю. Смолич обладает не так уж распространенным умением вздумывать в причины своих неудач и рассказывать о них так, чтобы помочь молодым писателям избежать подобных ошибок.

Хотелось бы сказать еще об одном важном достоинстве прозы Смолича — о разнообразии, выразительном языке. Но как начать этот разговор с русским читателем, когда некоторые романы украинского прозаика переведены неважно и дают слабое, а бывает, и искаженное представление о его стиле. Это случилось, например, с «Детством», которое пересказал «своими словами» В. Тарасенко.

Думается, что лучшие романы Ю. Смолича должны шире, чем до сих пор, войти в фонд советской прозы, должны стать достоянием всесоюзного читателя.